

РЕГИОН КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА

Ю. И. Трещевский, Е. М. Исаева

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 10 декабря 2011 г.

Аннотация: в статье рассматриваются институциональные характеристики регионов России. Показаны институциональные особенности регионов, обуславливающие их состояние и динамику. В составе основных институциональных характеристик регионов выделены содержательные, структурные и динамические составляющие.

Ключевые слова: регион, институт, институциональная система, ценность, цель, благо.

Abstract: in article institutional characteristics of regions of Russia are considered. The institutional features of regions causing their condition and dynamics are shown. As a part of the basic institutional characteristics of regions substantial, structural and dynamic components are allocated.

Key words: region, institute, institutional system, value, purpose, blessing.

В публикациях по экономической преобладаете регионов обычно рассматриваются как социально-экономические системы, располагающие той или иной степенью самостоятельности. В большинстве случаев понятие «регион» отождествляется с иным термином – «субъект федерации». Особенно характерно это для периода формирования субъектов Российской Федерации как относительно самостоятельных административно-территориальных образований в 1990-х – 2000-х годах. Об этом можно судить, в частности, по работам В. Введенского, А. Гранберга, В. Лексина, А. Швецова, Б. Штульберга и др. [1, 2, 3, 4].

Практически не принимаются во внимание институциональные аспекты регионов, составляющие основу их существования в качестве систем. Между тем любая социальная система имеет определенные институциональные характеристики.

Наиболее исследованными с институциональной точки зрения являются коммерческие организации, институциональное содержание которых представлено стоимостными категориями. Именно с воспроизводством стоимости связаны в большинстве случаев «правила игры». Даже в тех случаях, когда, как, например, в исследованиях Дж. Бреннана и Дж. Бьюкенена, рассматриваются политические и иные процессы, на них распространяется стоимостное видение [5, с. 56]. Однако в региональных подсистемах страны можно наблюдать существенные отклонения от «рационального» экономического поведения. Это не может быть объяснено общей иррациональностью действий экономических субъектов. Проблема заключается в том, что рациональное достаточно индивидуально

и, во всяком случае, несводимо к доходам и другим стоимостным категориям.

Проблема определения региона как институциональной системы заключается в том, что его подсистемы не являются однородными и равнозначными. Это существенно отражается и на фактическом, и на нормативном порядках взаимоотношений между субъектами.

Нормативная значимость субъектов одной институциональной природы определяется как равная. Так, Дж. Бреннан и Дж. Бьюкенен писали по этому поводу: «Последовательность требует, чтобы все люди рассматривались как равные в моральном плане, так как индивиды одинаково способны выражать оценки в случае выбора среди альтернатив» [5, с. 55]. Это утверждение неочевидно даже в отношении отдельных индивидов, а если учесть и принципиальные институциональные различия между группами людей, объединенных целями и действиями, регулируемые различными правилами, то оно вообще теряет смысл. Иначе говоря, равнозначность участников выбора правил не может рассматриваться в качестве аксиомы.

На это обратили внимание Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин, отметив, что недостаточная успешность проводимых в России и других странах реформ связана с тем, что не учитываются два важных обстоятельства:

- институты связаны между собой;
- состав институтов принципиально неоднороден [6, с. 8–9].

Особенностью регионов как институциональных систем является наличие в них совокупности субъектов, ориентированных на принципиально различные ценности, содержание которых вытека-

ет из характера образующих их институтов. Классическая институциональная теория исходит из того, что таких различий не существует, а общество состоит из индивидов, которые руководствуются основной доминирующей ценностью. Содержание ценности в той или иной теоретической конструкции может быть различным, но она является общей для всех. Как правило, «на сцену выходит homo economicus; принимается постулат, согласно которому индивиды преследуют только свои собственные частные интересы, которые суммируются в объективно измеримом чистом благосостоянии» [5, с. 76].

Необходимо обратить внимание на то, что проблема однородности институтов обычно рассматривается в узком смысле. Многие исследователи считают, что неоднородность представляет собой наличие двух типов правил: правил игры и правил поведения. Между тем важно, что организации и другие достаточно однородные по ценностям и целям образования используют правила (как игры, так и поведения), прежде всего, свойственные им, как совершенно определенным системам. Именно набор ценностей, соответствующих им целей и правил достижения определяет характер системы. Так, для коммерческих организаций типичным является доминирование стоимости как ценности и прибыли как цели. Входящие в них индивиды имеют множество ценностей, но в составе коммерческих организаций вынуждены разделять доминирующую ценность и следовать соответствующей ей цели. В составе региона каждый конкретный человек входит в множество систем, обладающих собственным набором ценностей.

Принципиально важно, что институты представляют собой определенные правила поведения людей и их групп таким образом, что предотвращает получение худшего результата для участников взаимодействия. Как отмечали Дж. Бреннан и Дж. Бьюкенен, «сообщество людей, вовлеченных в подобное взаимодействие, нуждается в существовании какого-то правила, обязательной для членов общества нормы, предотвращающей такое поведение индивидов, которое приводит к исходу... который никто не желает» [5, с. 25].

Обратим внимание на то, что предотвращение «нежелательного исхода» теоретически просто, если речь идет о поведении институционально однородных субъектов, например, выбор осуществляю обособленные индивиды с общей целью – получить максимальную выгоду. Размеры выигрыша могут быть различными, действия имеют раз-

личный вектор, но сама цель однородна. Согласование интересов теоретически осуществляется просто: достаточно договориться о совместных действиях с целью получения максимально возможного для взаимодействующих участников эффекта. Естественно, что на практике достичь этого результата не просто в силу доминирования индивидуальных интересов. Однако в теоретическом плане решение задачи не представляет серьезной проблемы – можно предложить некоторый оптимальный результат и строить взаимодействие исходя из возможности его достижения.

В отношении регионов такой оптимум невозможен. В. Мау и К. Яновский в контексте институциональной парадигмы регионального развития отмечают, что важнейшими компонентами экономической политики являются:

- политические факторы;
- институт частной собственности;
- безопасность личности;
- стабильность «правил игры» [7].

На наш взгляд, приведенный выше перечень сформирован по различным критериям, каждый компонент выделен по собственному критерию (сфера действия; характер собственности; объект безопасности; степень стабильности правил), что не позволяет представить состав факторов в системном виде. Однако важно, что цитируемыми авторами раскрыто содержание компонентов экономической политики, имеющих принципиально различное содержание. Естественно, с помощью искусственных приемов можно обеспечить сведение их к некоторому общему показателю, что и происходит на практике, например, в процессе стратегического планирования. Но это не придает компонентам качественной однородности.

С точки зрения содержания регион представляет собой сложную институциональную систему, в которой функционируют различные по своей природе подсистемы: коммерческие организации, некоммерческие организации, домохозяйства, органы власти и управления. При таком взгляде регион представляет собой только территориальное пространство, в котором взаимодействие институционально разнотипных систем теоретически может вообще не происходить. В этом случае регион представляет собой конгломерат разнородных и не взаимодействующих между собой систем. На практике это реализуется в слабо выраженном и фрагментарном взаимодействии коммерческих организаций; натурально-хозяйственных единиц; некоммерческих организаций,

функционирующих на базе собственных культурных ценностей, и т.п.

Все организации основаны на совокупности институтов, общих для них. Так, коммерческие организации, какими бы различными ни были их технико-технологические и организационно-экономические параметры, основаны на совокупности ценностей и правил, обеспечивающих достижение рыночных целей.

Некоммерческие организации, которые могут иметь признаки, схожие с коммерческими (например, такую же организационную структуру), тем не менее, представляют собой содержательно иные институциональные системы, имеющие цели, принципиально отличающиеся от целей коммерческих организаций.

Домохозяйства функционируют по своим правилам, различным в каждом из них, но базирующимся на совокупности институтов, однородных в содержательном аспекте. Домохозяйство представляет собой институциональную систему, обеспечивающую устойчивое воспроизводство рабочей силы. Для домохозяйств не важны правила, регулирующие рыночную деятельность, они основаны на внерыночных ценностях, доминантой в них является сам человек, его индивидуальность и одновременно принадлежность к некоторой человеческой общности. Рыночные отношения со всеми их институтами и институциями важны для домохозяйств в плане обеспечения их жизнедеятельности, но являются внешними, не вытекающими из природы данной институциональной системы. Домохозяйства в большей степени, чем предприятия и некоммерческие организации, связаны именно с регионом, более того, они составляют его первичную структуру, во всяком случае, в большинстве из них. Домохозяйства, если понимать их не в производственном, а в институциональном аспекте, составляют первичную сеть отношений, на основе которой строятся более сложные институты и организации.

Основой региональной институциональной системы в силу прочности связей с территорией проживания людей являются именно домохозяйства, являющиеся носителями стабильных институций: привычек, обычаев, норм делового поведения.

На протяжении длительного, измеряемого как минимум десятилетиями, периода времени в российских регионах формировались социальные сети, основанные на производственных взаимосвязях и одновременно личной унии. В результате

возникли своеобразные бизнес-элиты, обеспечивающие поддержание стабильных деловых отношений в региональном сообществе. Домохозяйства и представляющие их элиты, как институты, являются носителями консервативных институций, обеспечивающих единство и своеобразие региона как институциональной системы. В основе региональных институций лежат своеобразные ценности, имеющие значение только в данном регионе.

В связи с этим можно сказать, что ценностную основу региональных институциональных систем составляет особая разновидность благ – клубные. Их специфика заключается в том, что они представляют ценность только для определенных групп. В большинстве случаев считается, что носителем (держателем) этих благ являются элиты [8, с. 41].

Длительность совместного существования домохозяйств в рамках региона должна была выработать совокупность ценностей, специфичных для каждого региона, которые могут рассматриваться в качестве самостоятельных ценностей – клубных благ. Наличие клубных благ позволяет объяснить существенную дифференциацию регионов в производстве и потреблении неспецифичных благ, в том числе и имеющих стоимостную основу. В то же время клубный характер тех или иных благ зачастую ограничивается именно региональными границами. Так, принадлежность к региональной политической или предпринимательской элите одного региона не означает включенности в иные, например, национальные элиты. Более того, сохранение участников элит в этом статусе требует определенной изоляции от более широкого круга субъектов, относящихся к институциональной системе того же типа.

Стремление сохранить самоценность клубных благ является основанием для отторжения внешне более «рациональных» схем экономического поведения, ориентированных на неперсонифицированные, не клубные ценности. Отметим позицию Дж. Ходжсона: «Поскольку институты одновременно зависят от действий людей и сами ограничивают и формируют эти действия, благодаря такой положительной обратной связи они успешно воспроизводят самих себя» [9, с. 57]. В связи с этим необходимо обратить внимание на то, что институциональная обособленность российских регионов достаточно четко проявилась в постановке вопроса о выборах их глав населением. Региональные элиты заявили о себе как об особом институте, обеспечивающем воспроизводство клубных благ. Вряд ли есть основание считать, что выборы глав

регионов обеспечат более высокий экономический эффект в его традиционном (стоимостном) понимании, чем их назначение. Традиции, нормы поведения выступают в данном случае в качестве самостоятельной ценности, отражающей самоидентификацию региональных элит.

Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин в работе «Институты: от заимствования к выращиванию» выразили солидарность с основоположником неоинституциональной теории О. Вильямсоном, указав, что институциональные системы представляют собой трехуровневую пирамиду правил и ценностей: в основании пирамиды – культурные традиции и ценности, на среднем уровне – неформальные правила, на верхнем – формальные правила [6, с. 10–12]. Часть ценностей разделяют конкретные группы, другая часть носит более общий характер. Тем не менее важного вывода о том, что лежащие в основе пирамиды культурные традиции и ценности формируют принципиально различные институциональные группы, авторы не сделали.

Недостаточное внимание исследователей к внутриуровневым противоречиям связано, на наш взгляд, с ориентацией большинства из них на совокупность рыночных ценностей, которые внешне разделяются всеми членами общества. Такая ориентация представляется, однако, не самоочевидной. То, что все участники социально-экономических процессов действуют в условиях преобладания рыночных отношений, не означает, что действия совершаются на основе одних и тех же правил и принципов взаимодействия. Базовые рыночные институты (собственность, свободная цена и др.) весьма существенно различаются как ценности для коммерческих организаций, организаций некоммерческого сектора, органов власти и управления, домохозяйств.

Каждый регион имеет определенные отличия на всех уровнях «пирамиды Вильямсона». Так, одной из составляющих институциональных характеристик регионов является наличие собственных формальных правил. Действительно, каждый регион (в том числе в России) имеет собственное законодательство, основанное на национальном, но, тем не менее, отличающееся от законодательства иных административно-территориальных образований. Существует множество нормативных актов подзаконного уровня, регламентирующих различные социально-экономические процессы на региональном уровне.

Существенное значение для характеристики регионов имеет то, что в отношении субъектов

различной институциональной природы степень разработанности формализованной институциональной базы в регионах различна. Достаточно определено в документах регионального уровня проявляется внимание к трем группам проблем:

– общим для страны, решение которых необходимо в силу повышенного внимания федерального центра;

– проблемам «позитивного развития», решение которых обеспечивает движение региона в направлении, определяемом конкурентными преимуществами и давлением сильных внутренних институтов;

– проблемам «преодоления» слабых сторон, угрожающих позитивному развитию и существованию сильных институтов.

Две последние позиции можно считать специфическими. Иначе говоря, формальные правила, формируемые на региональном уровне, различны, хотя и объединены общим каркасом федеральных правил.

Необходимость изменения формальных и неформальных правил, культурных традиций для воспроизводства институциональных систем не вызывает сомнений. Однако остается нерешенным вопрос о том, почему одни институты легко принимаются реформируемыми системами, другие – отторгаются. Я. Кузьминов и др. считают, что проблема заключается в высокой инерционности неформальных правил, особенно культурных слоев институциональных систем [6, с. 11–12].

В целом мы разделяем данную точку зрения, но не считаем ее исчерпывающей. Часть институтов может быть несовместимой и на одном и том же уровне «пирамиды Вильямсона». Принятие законов является одним из самых простых институциональных актов. Потому, что для них уже сформировались необходимые культурные условия и неформальные отношения, которые надо просто легализовать. Однако в крупных, институционально неоднородных системах, к которым следует отнести Россию, законодательство федерального уровня не обязательно отражает совместимость неформальных институций, сформировавшихся на региональном уровне.

На практике оказывается, что плохо совместимы именно неформальные правила, культурные традиции и ценности. Если согласиться с представлением институциональной системы именно в виде пирамиды (не только как иллюстрации), отражающей распространенность и генезис правил, то становится ясным, почему новые неформальные

правила и культурные традиции приживаются хуже, чем нормативные акты: причина заключается в более широком спектре отношений, регулируемых культурными традициями и неформальными правилами.

С другой стороны, степень совпадения различных институциональных подсистем определяется типом систем и способом их сосуществования. Если имеет место взаимодействие, то совпадение, хотя бы частичное, должно касаться каждой из подсистем, иначе оно становится невозможным. Так, различные фирмы в процессе своего взаимодействия используют совпадающие ценности, традиции, неформальные правила и нормативные акты.

Современный уровень развития российских регионов допускает существование конгломератных элементов в своем составе, чего не может быть, например, в фирме, требующей институциональной однородности.

Существование и развитие региона не требует обязательного взаимодействия между его институциональными подсистемами. Поскольку регион представляет собой открытую систему, то его институциональные подсистемы могут развиваться самостоятельно за счет взаимодействия с подсистемами своего типа, если степень сопряженности с ними выше, чем внутри региона. Естественно, степень развитости взаимодействия зависит от совместимости институтов.

Степень сопряженности институтов, на которых основаны институциональные системы, определяет уровень издержек, обусловленных необходимостью усваивать иные нормы поведения, принимать чуждые ценности, адаптироваться к новым условиям правового и иного нормативного регулирования.

Нельзя исключить, что институциональные подсистемы одной природы окажутся более совместимыми с подсистемами другой природы, включенными в иной регион, нежели в свой. Если такая совместимость распространяется на широкий круг региональных подсистем, то институциональная структура региона подвергается дестабилизирующему воздействию. В предельном случае регион может сохраниться только в качестве номинальной административной единицы.

Противоположный случай повышенной внутренней совместимости различных институциональных систем в регионах по сравнению с совместимостью однотипных систем, расположенных в различных административно-территориальных

образованиях, предполагает развитие регионов по пути создания анклава.

Оба крайних случая – слабая и чрезмерно сильная внутрорегиональная совместимость институционально различных систем – ухудшают положение региона в более крупных системах. В первом случае происходит ослабление системной целостности, предельным проявлением которой является распад единого институционального пространства, во втором – внутрисистемная целостность мешает интеграции институциональных подсистем с аналогичными системами за пределами региона.

Институциональные системы имеют не только пространственную, структурную, но и временную компоненту. Различная институциональная динамика во многом может объяснить существенную и постоянно увеличивающуюся дифференциацию регионов страны.

Иначе говоря, при рассмотрении любой системы следует исходить из динамики ее институциональной составляющей, включающей генезис институтов, период их существования и обновление. Важно, что однонаправленность эволюции институтов на настоящий момент не доказана: «Вопреки предсказаниям некоторых эволюционных теорий, постулирующих существование процесса отбора наиболее приспособленных организаций и эффективных институтов и отсева наименее приспособленных, это разнообразие не уменьшается» [10, с. 19].

Применительно к регионам весьма существенным является выявление причин или хотя бы факторов и условий, обуславливающих взаимодействие институтов на мезоуровне.

В. Тамбовцев связывает возникновение институтов с более древними формами взаимодействия, в частности с феноменами доминирования, ревира, кооперации, обмена услугами и информацией. Одна из версий происхождения институтов – правило имплицитного контракта, осуществляемого ограниченно рациональными индивидами, не знающими всех последствий своих действий [11, с. 90]. Можно предположить, что региональным институциональным системам свойственен именно такой путь формирования. Отметим, что эффективность имплицитных правил принципиально не может быть ориентирована на оптимальный результат в силу ограниченности знаний.

Для регионов, возникших естественным путем, такой путь становления и развития институтов представляется весьма правдоподобным. Однако для российских регионов он характерен не в пол-

ном объеме. В большинстве случаев в России имело место внешнее, принудительное происхождение регионов в соответствии с требованиями «экономической эффективности». Сосуществование двух типов регионов, естественно, предопределяет их структуру и прочность институтов. Навязанные извне правила в большинстве случаев не являются прочными. Институты должны возникать как нормы, сформированные изнутри. Нельзя в полной мере согласиться с Ф. Хайеком, считающим, что «великий урок, который дает нам на этот счет философия индивидуализма, состоит в том, что, хотя и нетрудно разрушить добровольные формирования, составляющие незаметную опору свободной цивилизации, нам может оказаться не по силам сознательно воссоздать такую цивилизацию после того, как ее фундамент был разрушен» [12, с. 44].

Сознательное воссоздание цивилизации в буквальном смысле слова, действительно, маловероятно. Но принципиально важные для воспроизводства систем институты и институции могут быть успешно сформированы или трансплантированы из других систем.

Появление новых институтов обычно связывается с необходимостью повышения эффективности в стоимостном понимании эффекта. Однако эффект может носить и иной характер. Достижение любой цели – это эффект. «Экономический человек» А. Смита – отнюдь не универсальная модель поведения. Сохранение «статус-кво» в экономическом положении и взаимоотношениях между людьми является не менее значимой ценностью. Об этом, в частности, свидетельствует сохранение уравнительного порядка распределения, препятствующего повышению благосостояния, но зато сохраняющего стабильность. А. Прохоров замечает: «За долгие века русской истории народ выработал управленческие механизмы, удерживающие систему управления экономикой в застойно-стабильном состоянии, а главное – предотвращающие появления новых стереотипов поведения, которые облегчают системе переход в быстрорастущий нестабильный режим функционирования» [13, с. 100].

Стабильность социальных слоев в регионах в институциональном смысле является вполне достаточным обоснованием отказа от «более эффективных» технико-технологических и организационно-экономических решений. Экономическая эффективность приносится в жертву институту социально-экономической стабильности, воспроизводство «повторяющихся», традиционных связей

является основой существования институциональных систем.

Существенное значение для рассмотрения регионов в качестве институциональных систем имеет применение к ним «дихотомии Веблена», которая в упрощенном виде демонстрирует противоречивое взаимодействие институтов. Действительно, если даже в коммерческих организациях возникает противоречие между прогрессивными технологиями и тормозящими их развитие институтами, то в отношении столь разнородных в технико-технологическом и институциональном планах, как регионы, можно предположить гораздо более сильное сдерживающее влияние институтов.

Отметим, что сдерживающее влияние на технико-технологическое развитие по Т. Веблену оказывает бизнес, его стремление к прибыли, т.е. действия «экономического человека» являются неэффективными с точки зрения общей динамики системы. Можно согласиться с позицией В. Вольчика, который считает, что дихотомия Веблена представляет собой частный случай асинхронной эволюции институтов и технологий, причем оценочные суждения относительно «прогрессивности» технологий и институтов неуместны [14, с. 55]. Это просто иные институты: «Группы специальных интересов постепенно формируют институциональную среду с более высокими характеристиками инертности и, следовательно, более устойчивую к внешним шокам институционального импорта» [14, с. 59]. Указанные «группы специальных интересов» направляют регионы по собственной траектории развития.

Проблема для регионов как систем заключается в том, что для создания новых институтов необходимы большие усилия, чем для поддержания исходных. В коммерческих организациях эта проблема решается относительно просто – неприспособленные к новым условиям погибают в процессе конкуренции. По отношению к регионам данный механизм не действует. Об этом свидетельствует и то, что регионы России отличаются по различным параметрам в десятки, сотни и даже тысячи раз. Вряд ли можно представить себе сосуществование коммерческих организаций со столь сильными различиями на одной территории.

Для обеспечения институциональной инерции региона принципиально важно сохранение базовых групп специальных интересов, ориентированных именно на пространственно обособленное функционирование. Распространение иных форм кон-

тактов, коммуникаций, ориентированных на содержательно обособленное функционирование, неизбежно приведет к разрушению институциональной базы регионов.

Таким образом, регион как институциональная система обладает рядом характеристик, отличающих его от иных систем:

– взаимодействующие на территории региона экономические субъекты имеют различную институциональную природу, что не характерно для иных систем, например – организаций;

– региональная институциональная система с содержательной стороны разнородна и принципиально несводима к некоторой единой ценности;

– наиболее крупными институциональными подсистемами региона являются: органы власти и управления, коммерческие организации, некоммерческие организации, домохозяйства;

– базовой институциональной подсистемой региона являются домохозяйства, обеспечивающие воспроизводство людей как носителей рабочей силы, культурных традиций, правил поведения и контроля;

– гарантами институциональной стабильности регионов являются элиты, представляющие соответствующие институциональные подсистемы;

– институциональную основу региона составляет воспроизводство традиционных форм связей, имеющих самостоятельную ценность, независимую от иных, в том числе и стоимостных;

– изменение ценностных характеристик происходит в течение длительного времени и не обязательно завершается заменой доминирующей ценности в обозримом временном интервале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гранберг А. Стратегии территориального социально-экономического развития России : от идеи к реализации / А. Гранберг // Вопросы экономики. – 2001. – № 9. – С. 21–28.

Воронежский государственный университет

Трещевский Ю. И., доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления организациями

E-mail: utreshevski@yandex.ru

Тел.: 8(473) 264-39-60; 8-960-122-60-98

Исаева Е. М., старший преподаватель кафедры экономики и управления организациями

E-mail: ek-isaeva@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 221-06-68

2. Лексин В. Региональная политика России : концепции, проблемы, решения / В. Лексин, А. Швецов // Российский экономический журнал. – 1997. – № 3. – С. 30–36.

3. Рисин И. Е. Государство и бизнес в регионе / И. Е. Рисин, Ю. И. Трещевский. – Воронеж : ВГУ, 2003. – 156 с.

4. Штульберг Б. М. Региональная политика России : теоретические основы, задачи и методы реализации / Б. М. Штульберг, В. Г. Введенский. – М. : Гелиос АРВ, 2000. – 208 с.

5. Бреннан Дж. Причина правил. Конституционная политическая экономия / Дж. Бреннан, Дж. Бьюкенен. – СПб. : Экономическая школа, 2005. – 272 с.

6. Кузьминов Я. Институты : от заимствования к выращиванию / Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин // Вопросы экономики. – 2005. – № 5. – С. 5–27.

7. Мау В. Политические и правовые факторы экономического роста в российских регионах / В. Мау, К. Яновский // Вопросы экономики. – 2001. – № 11. – С. 17–33.

8. Полищук Л. Нецелевое использование институтов : причины и следствия / Л. Полищук // Вопросы экономики. – 2008. – № 8. – С. 28–44.

9. Ходжсон Дж. Институты и индивиды : взаимодействие и эволюции / Дж. Ходжсон // Вопросы экономики. – 2008. – № 8. – С. 45–60.

10. Шаванс Б. Типы и уровни правил в организациях, институтах и системах / Б. Шаванс // Вопросы экономики. – 2003. – № 6. – С. 4–21.

11. Тамбовцев В. Возникновение институтов : методолого-индивидуалистический подход / В. Тамбовцев // Вопросы экономики. – 2010. – № 11. – С. 83–96.

12. Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок / Ф. Хайек. – М. : Изограф, 2001. – 256 с.

13. Прохоров А. Уравниловка как элемент русской модели управления / А. Прохоров // Вопросы экономики. – 2004. – № 10. – С. 99–113.

14. Вольчик В. В. Эволюция институтов постиндустриальной экономики в контексте дихотомии Веблена / В. В. Вольчик // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2008. – Т. 6, № 2. – С. 53–65.

Voronezh State University

Treshchevskiy Y. I., Doctor of Economics, Professor, Head of Economics and Organization Management Department

E-mail: utreshevski@yandex.ru

Тел.: 8(473) 264-39-60; 8-960-122-60-98

Isaeva E. M., Senior Teacher at the Department of Economics and Organization Management

E-mail: ek-isaeva@yandex.ru

Тел.: 8 (473) 221-06-68